

ТЕМУР ЧХЕИДЗЕ:

«В театр идут не за деньгами»

Русский курьер, -2004- 11 нояб. - с.5

Ольга Егошина

В Большом театре идут последние приготовления к премьере оперы Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». Ставит ее знаменитый грузинский режиссер, недавно ставший главным режиссером Большого драматического театра им. Товстоногова, Темур Чхеидзе. В перерыве между репетициями знаменитый грузинский режиссер рассказал в интервью «Новым Известиям» о своих впечатлениях от работы в Большом театре и от Москвы, где после «Антигоны» во МХТе он ничего не ставил много лет.

– Темур Нодарович, сейчас во всем мире в оперных театрах спектакли ставят драматические режиссеры. Откуда такая практика?

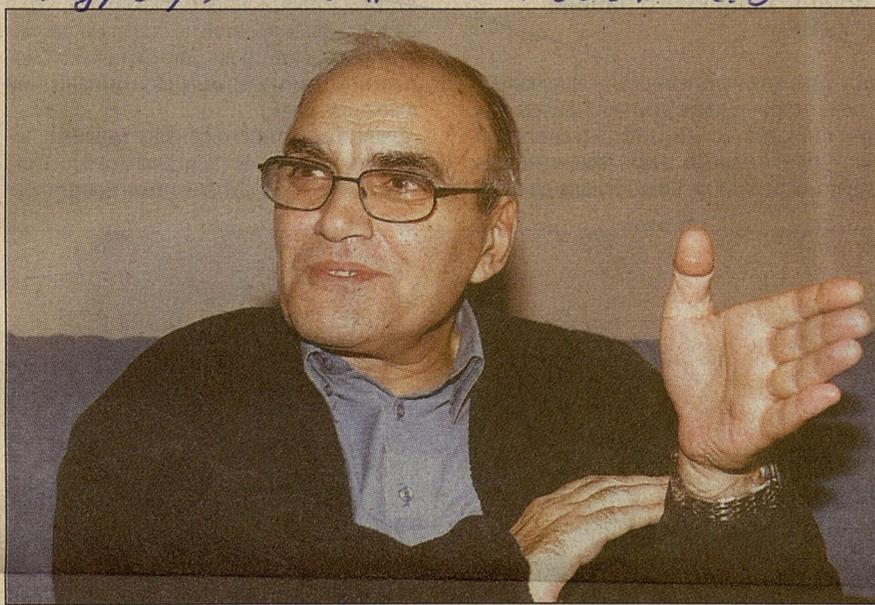
– Спросите у театров, почему нас зовут? Для меня Шостакович уже десятая оперная постановка. И мне работать в оперном жанре интересно. Тут главное – не мешать музыке. И в то же время помнить, что опера – это не концерт, а театр. Я не могу сказать, что открываю оперу каким-то другим ключом. Ну есть несколько простых запретов: скажем, нельзя ставить поющего актера спиной к залу и т.д. А остальное – все похоже. Психологический подтекст, взаимодействие исполнителей и т.д. Но об этом странно говорить: потом придете на спектакль и спросите, где это?

– Став главным режиссером БДТ, вы начинаете сезон постановкой оперы...

– Я имел неосторожность согласиться на эту постановку два года назад. Неосторожность не в смысле, что я раскисаюсь. Мне нравится тут работать. Но тогда я не знал, что стану главным режиссером БДТ и будут все проблемы, с этим связанные. Но контракт подписан, отказываться поздно. Так что я – здесь.

– Выбор оперы Шостаковича для постановки принадлежит вам или это была идея театра?

– Вначале мне предложили другое название, но я отказался. Я сказал, что это совсем не мой материал, хотя музыка местами гениальна, и постановку делал другой режиссер. Мне же было предложено на выбор несколько названий (за это я Большому театру благодарен), и я выбрал «Леди Макбет Мценского уезда». Я это произведение люблю очень давно. И когда приступил к работе, понял, что не ошибся: выбор правильный. Хорошо заявлять – выбор правильный, теперь надо это заявление оправдывать хорошим спектаклем. Мы же ставим не только ради собственного удовольствия. Хотя и это важно – получать удовольствие в процессе работы. Могли нагло заявить, что актеры тоже репетируют с интересом. Что из этого получится, естественно, одному Богу известно. Пока только понятно, что мне повезло с составом. Кроме

ВЛАДИМИР МАШАТИНИ

ТЕМУР ЧХЕИДЗЕ родился в 1943 году в Тбилиси, в семье известных грузинских актеров. В 1965 году окончил режиссерский факультет Тбилисского государственного театрального института им. Шота Руставели. Работал в Драматическом театре города Зугдиди. С 1967 по 1970 г. – режиссер Тбилисского ТЮЗа. С 1970 по 1980 г. работал в театре им. Шота Руставели. С 1980 по 1991 г. – главный режиссер театра им. Константина Марджанишвили. Читал лекции в Театральном институте Грузии и 12 лет был художественным руководителем Телецентра Грузии. С 1992 года работает в Санкт-Петербургском Большом драматическом театре. Он также является постановщиком опер в Мариинском театре и в миланском Ла Скала. Постановка оперы Сергея Прокофьева «Игрок» на сцене Мариинского театра была удостоена российской театральной премии «Золотая маска». Темур Чхеидзе – народный артист Грузии, народный артист России, лауреат Ленинской премии.

того, что они прекрасные певцы, они еще очень хорошие актеры.

– Вы сказали, что давно любите эту оперу. Вас привлекает больше музыка Шостаковича или сюжет и характеры Лескова?

– Я ставлю Шостаковича, который написал оперу по Лескову. И его опера чуть о другом, чем Лесков. Либретто расходится с прозой. И естественно, что надо идти за музыкой.

– Как я знаю, вы не бросили свой тбилисский театр?

– Конечно, нет. Я перестал быть там главным режиссером, потому что смогу уделять ему внимания гораздо меньше. Грубо говоря, я должен один спектакль в течение сезона поставить в Тбилиси. Но все эти годы так и было – один спектакль в Грузии, один в Петербурге. Но теперь я, конечно, должен в Петербурге бывать чаще и проводить времени больше. Очень много всяких проблем. Посмотрим, что выйдет. Поговорим через два года, что там получится.

– Вы много времени проводите в Питере? Стал ли он для вас родным городом? Появилось ощущение дома?

– Ощущение дома в этой жизни у меня только в Тбилиси. В следующей жизни, если она есть, посмотрим. Но у меня есть чувство «своего пространства» в театре. Не то, что я хозяин, но это и мой дом. А так как я провожу по 12 часов в театре ежедневно, то это важно. Квартира, где я живу, рядом, так что мой Петербург – это мой театр и дом, к которому я привык.

– Олег Басилашвили жалуется, что прожил в Петербурге большую часть жизни, но знает дорогу от театра до дома...

– Если так говорит Басилашвили, то мне тем более простительно. К тому же я живу от БДТ ближе. Если серьезно, в самом театре сохраняется какая-то особая атмосфера театра-дома. Приходят новые поколения, они как-то вписываются в это пространство. Вносят в него что-то свое, но и сами как-то меняются в нем. Принято ругать молодых за то, что они не похожи на нас. А я думаю, слава богу, что не похожи. И мы бы жили не похожи на своих родителей.

– Вас называют режиссером-диктатором. И при этом актеры любят с вами работать. Как это совмещается?

– Ну что такое диктатура в режиссуре? Я бы не употреблял этого термина. Я имею свое представление о произведении, свой план постановки и его осуществляю. А так все можно назвать диктатурой. Распределение ролей – тоже диктатура. Но нельзя же распределять роли на профсоюзном собрании голосованием!

– Может у вас артист предложить постановку или попросить роль?

– Потребовать постановку не может. Но если я ставлю какую-то пьесу, то может прийти артист и сказать, что он хотел бы попробовать сыграть того или иного персонажа. Пожалуйста, пусть ходит на репетиции, сидит во втором составе. Если докажет, что сможет играть, – пожалуйста. На моей памяти так было один раз. Походив, актер

обычно убеждается, что режиссер со стороны видит точнее. И выбранный им артист больше соответствует этой постановке.

– Сейчас актеры часто совсем не хотят играть в своем театре, потому что это мешает зарабатывать деньги на стороне. Вы с этим сталкиваетесь?

– Все сталкиваются. Время такое. Мне кажется, что тут актер должен сам выбирать приоритеты. Все сразу иметь не получается. Чтобы и работать в хорошем театре, играть ведущие роли, репетировать с интересным режиссером, а при этом еще и сниматься в сериалах – все это трудно вместе соединить. И надо решать, что для тебя важнее. Хочешь заработать денег? Организуй все так, чтобы это не мешало твоей работе в театре. Можешь по утрам репетировать Гамлета, вечером играть в спектакле, а ночами сниматься в сериале и все это делать качественно – молодец! Не можешь – не подводи театр. Но чтобы не было: ах, я не могу сейчас начать репетировать Гамлета! Давайте перенесем месяцев на пять! Я этого не понимаю. У тебя контракт с театром! И я могу его показать. И график работы тебе загадаю известен. На Западе такая ситуация невозможна. Контракт подписан – все. У нас ухитряются заключать по два-три контракта на одно и то же время. Так не может быть. Театр не может подстраиваться под одного актера. Я не могу сейчас репетировать, потому что сейчас съемки... Чего?! Ждать не будут. Хочешь заработать – понимаю, но не в ущерб собственному театру. Тут надо проявлять жесткость. Выгонять – не из труппы, но из работы. Понятно, всем хочется хорошо жить. Но, по моим наблюдениям, нет такой суммы в природе, чтобы человек сказал, что ему хватит. Но если человек хочет прежде всего денег, то ему надо из театра уходить. Я счастлив, когда мои актеры снимаются, зарабатывают и т.д. Но с одной малюсенькой оговоркой: в свободное от театра время. Можешь – пожалуйста. Не можешь – делай выбор. Соблазнов везде много. И в Москве, и Питере. Да и в Грузии хватает. Хотя в Грузии сейчас снимается не так много фильмов, сериалов, рекламы. Ладно, давайте не будем о грустном.

– В Москве вы бываете в театрах? Или не любите смотреть чужие постановки?

– Заблуждение, что режиссеры ничего не смотрят. Я часто хожу в театр Додина, в Александринку, в Балтийский дом. А вот своих коллег в нашем зале вижу редко. Что касается Москвы, то в этот приезд у меня нет времени куда-то выбираться. Целый день в Большом театре. Две репетиции. Потом организационные вопросы. А ночью сил куда-то идти нет. И, кроме того, после телевизора, где все время говорят о «лицах кавказской национальности», на улице как-то не тянет. Когда так долбят во всех средствах массовой информации, то возникает напряженность. Я не жалею, меня пока никто не задевал и не останавливал. Но все-таки не тянет.

Чхеидзе Темур

17.11.04